

Щеглова Т. К.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЫ И ОБУВЬЮ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЯ¹

В статье рассматриваются процессы, происходящие в русском обществе тыловой деревни Сибири под влиянием Великой Отечественной войны в условиях завершившейся коллективизации и раскулачивания. Показано, что ухудшение условий жизнедеятельности русских сибиряков способствовало возврату к традициям крестьянской культуры жизнеобеспечения. Эта тенденция анализируется на основе новых полевых исследований и материалах устной истории об изготовлении кожаных и меховых предметов верхней одежды, а также производственной и бытовой обуви с использованием субпродуктов ловчих промыслов на грызунов и иного сырья. Делается вывод, что эти тенденции носили противоречивый характер и вели к архаизации элементов культуры жизнеобеспечения и этнокультурной унификации русского сельского общества. Обращается внимание на новации в политике советского государства по поддержке традиционных промыслов с целью обеспечения как мирного, так и репрессированного населения сибирского тыла зимним гардеробом, необходимым для жизнедеятельности в военных условиях.

Ключевые слова: война, тыл, Сибирь, крестьянство, традиции, новации, ловчие промыслы, домашнее ремесло, обувь, одежда, государственная политика.

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в развитие сибирской деревни. Проявилось это как в усложнении состава сельского населения под влиянием насильственных и добровольных полиэтнических переселений, так и глубоких внутренних трансформаций внутри сообществ местного русского населения. Если первая проблема рассматривается в сибирской историографии со всех сторон, то вторая проблема, связанная с глубинными процессами внутри сибирского крестьянства спровоцированными войной, не подвергалась серьезным исследованиям. Фундаментальные работы в области военной истории ограничиваются демографическими изменениями, с акцентуацией на половозрастном составе сибирской деревни, влиянии гендерного перекося на экономическое развитие и вкладе сельского тыла в помощь фронту.

В качестве гипотезы выдвигается положение, что сибирское крестьянство в годы войны, пройдя через коллективизацию и раскулачивание 1930-х гг., сохранило традиции культуры жизнеобеспечения. В годы войны были мобилизованы трудовые навыки и традиции, сопряженные с опытом выживания в трудных и экстремальных условиях. На примере самообеспечения крестьянской семьи обувью, одеждой и другими кожаными и меховыми предметами в зимнее время, анализируется значение традиционной системы преодоления трудностей в борьбе с холодом. Ликвидация семейного скотоводства и земледелия лишила крестьянские семьи скотоводческого и земледельческого сырья для изготовления предметов крестьянского гардероба. Автором вводится понятие заместительных технологий, которые в условиях становления и маломощности колхозно-совхозных хозяйств, отсутствия помощи государства, и неблагоприятной демографической ситуации спасли крестьянскую семью. Частью гипотезы являются и выводы о новых тенденциях в государственной политике, в частности регламентирование в годы войны развития местных промыслов, что демонстрировало стремление государства опереться на крестьянские традиции и закрепляло откат сибирского крестьянства к традиционной культуре.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края: Проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

Важным является обоснование тезиса о культурном многообразии русского крестьянства Сибири, как благоприятного фактора в годы войны. Формирование сибирского крестьянства происходило в результате перманентных переселений в Сибирь русского населения из разных этнокультурных зон Европейской России на протяжении XVIII – первой трети XX в. В годы войны русское сельское население было представлено культурными группами сибиряков – «старожилов», являвшихся преимущественно носителями северорусской культуры леса и скотоводства и групп «переселенцев» южнороссийских и центральночерноземных территорий – носителей культуры степи и хлебопашества. Историко-культурная мозаичность населения способствовала выработке разнообразных способов борьбы с холодом и голодом в годы войны.

Традиции и новации в культуре жизнеобеспечения русского населения в годы войны еще не становились объектом серьезных исследований. Имеющие в сибирской историографии исследования адаптационных механизмов традиционной культуры русского населения обращено в основном к периоду освоения Сибири. Культура жизнеобеспечения и адаптация к новым социально-экономическим и политическим условиям в ходе многочисленных переустройств деревни XX столетия в советский и постсоветский периоды остаются без внимания исследователей.

Акцентуация на антропологических аспектах исторического развития российского общества требует междисциплинарного подхода и новых источников, основанных на мобилизации и фиксации исторической памяти. В данной публикации наряду с классическими методами исторических реконструкций, такими как метод систематизации, привлекаются методы других наук. Среди них важным является положение о культуре жизнеобеспечения и другие подходы культурной и социальной антропологии (С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян, Ю. И. Мкртумян, С. И. Рыжакова), крестьяноведения (Теодор Шанин), структурной этнологии (Леви Стросс Клод).

Новационным подходом в формировании источниковой базы по исследованию антропологических аспектов истории сибирского тыла является комплексное использование традиционных архивных документов и новых источников устной истории – (oral history) – материалов интервью участников и очевидцев истории тыловой деревни.

Первая группа представлена практически неиспользованными историками нормативно-правовыми документами и отчетной документацией контрольно-надзорных органов и хозяйственно-административных учреждений, отражающих попытки государства реанимировать крестьянские умения и навыки и опереться на традиционную культуру в организации системы жизнеобеспечения населения тыловых районов. В региональных архивах существуют коллекции документов о расширении площади посевов конопли на крестьянских усадьбах для решения проблем с одеждой с опорой на домашние промыслы по изготовлению самотканого полотна. В их ряду документы об кустарном изготовлении моющих средств, пимокатной обуви. Есть документы по регламентации государством производства деревянной обуви или обуви на деревянной подошве и др. (ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 2; д. 3).

Вторая группа представлена полевыми материалами фондов устного архива (oral archive) Центра устной истории и этнографии ЛИК АлтГПУ², создаваемого автором с 1990 г. И, прежде всего, материалы полевых исследований 2014–2015 гг. в рамках авторской научно-исследовательской программы по этнографии и антропологии русского крестьянского двора в годы Великой отечественной войны, поддержанной в 2015 г. РГНФ. При создании устных исторических источников были использованы авторские научные и методические материалы (Щеглова, 2015).

Повседневная традиционная культура русских Сибири была основана на использовании для изготовления одежды и обуви кож и шерсти домашних животных. Многие мужчины в

² В настоящее время содержит 3,6 тыс. интервью (1 190 часов записи на кассетах и 978 часов цифровой записи, 4 736 фотоснимков на фотопленке и 65 212 цифровых фото и 30 часов видеозаписи).

сельских семьях после раскрестьянивания в период коллективизации не потеряли традиционных навыков и в годы войны. В сельском обществе тыловой деревни были востребованы и скорняки, и кожевенники, и овчинники, и пимокаты. Но количество трудоспособных мастеров по изготовлению обуви и верхней одежды в годы войны сократилось. Оставшиеся возрастные мастера не могли удовлетворить потребности.

Дефицитом в условиях налогов на личное подворье стало и само сырье – кожи крупного рогатого скота и овчины. Это вело к деформации традиций изготовления обуви. Интересный материал содержится в интервью М. Н. Бурматовой про ее отца, который вынужден был в условиях отсутствия выделанного кожевенного сырья, не имея навыков, обеспечивать своих детей обувью, используя невыделанную шкуру павших животных. «Отец... у совхозе тоже работал, да как корова или конь сдохнуть, он обдереть шкурку. Да придет, да нам обутки³ пошьёт. Сам шил. А кода сошьёт, солнышко греет – обутки-то ссохнутся, мы их не можем одеть... В бригаде – идем до колодок – коней поили. Мы возьмем, в колоду их [обутки] побросаем, пойдем босиком на покос. Придем – они раскиснуть, спадают с ног... Он прям с сырого нам сошьёт, смастерит. Шерсть где обрежет ножницами, где как. А тут у нас жила почтальонка, у нас почту носила, а мы с ней в бригаде были. Она и говорит: – «А куды мы, Марья, эти обутки будем [раскисшие носить], давай возле колоды их побросаем». Он ей сошьет и мне, у ней тоже отца не было, а мать тоже у бригаде работала. Он нам пошьёт. Я говорю: «Нюра, знаешь чё – нам дед обутки пошил». Зайдет, говорит: «Никифор Игнатьевич, щас же солнышко, они сморщутся и на ноги нам не полезут...» Обутки так и лежать у нас возле колоды, вот как. Да какие-нибудь найдем тряпочки, подстелим [вовнутрь], да и ходим...» (Алтайская деревня, 2012: 298–299).

Дефицит кожи, отсутствие мастеров и деформация традиций привели к повсеместному распространению среди русского сельского населения, в том числе старожильческих поселений юга Западной Сибири, изготовления обуви из сырой кожи. Е. К. Коровина (в девичестве Кадникова), из семьи старожил-основателей села Залесово, рассказывала: «Ходили кто в чем... Если была кожа, ее «выделывали», эту кожу. Отдавали «специалисту», у нас на Советской там один жил. И он сапоги шил. Как сошьет эти кожаные сапоги, да еще на вырост, а кожа как засохнет – они как деревянные. Оденешь, а в школе физкультура, ноги согнуть не можешь в этих сапогах... А дома босиком, босиком ходили» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. Залесовская экспедиция, август 2015. Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 г. р., с. Залесово, Залесовский район).

Технологии изготовления обуви из невыделанной и не дубленной кожи были известны традиционной культуре русского старожильческого сельского населения. В трудные периоды для изготовления зимних вещей использовалась и «сыромятная кожа» (сыромять⁴). Как правило, в крестьянской культуре шла на хозяйственные нужды. В годы войны из нее стали изготавливать обувь для работающих колхозников. З. Н. Нагайцева, работавшая на транспортировке грузов, так описывала свое снаряжение в дальнюю дорогу (150 км) зимой на быках за горючим: «...На ногах редко у кого были валенки, чаще всего ходили в сыромятных сапогах – это выквашенная кожа. А в пути находились 6–7 дней в одну сторону» (Алтайская деревня, 2012: 44).

Скотоводство в благоприятные годы было для сибирского сельского сообщества второй после хлебопашества отраслью крестьянской экономики и обеспечивало сырьем, необходимым для изготовления одежды и обуви. Но в годы войны скотоводство не могло обеспечить

³ Обутками называли короткие и грубые сапожки, шившимися из сыромятной или чирочной кожи. В Сибири – нарицательное название всякой повседневной короткой обуви.

⁴ Сыромять – недубленая кожа, выделанная из шкур крупного рогатого скота, свиней и др. животных, в т.ч. и диких. Использовалась в крестьянском хозяйстве для изготовления конской упряжи, технических изделий (прокладки, ремни и др.)

повседневные потребности крестьянской семьи и в кожевенном сырье, и в мясе, необходимые для поддержания трудоспособности и здоровья. Новацией в трудовых традициях сельского русского населения по изготовлению обуви и верхней одежды стала замена скотских кож (крс, овец, коз и т.д.) шкурами животных, обитавшими в окрестностях села. Массовое развитие ловчих промыслов и охоты привело к частичной замене скотоводческого сырья шкурками полевых грызунов и диких животных.

Наиболее доступными для массового использования были шкурки сусликов. Сусличьими промыслами занималось все население – от детей дошкольного возраста до стариков. Очень интересное описание обуви на деревянной подошве с использованием шкурки суслика, а также таких подручных материалов, как брезент или «тряпочки» (лоскуты прочного льняного или конопляного самодельного полотна) привела М. Е. Харлова из Краснощековского района (Усть-Козлуха). В их семье изготовлением обуви на деревянной подошве с использованием шкурки суслика занималась старшая сестра: «Обуваться нечего было, подошву деревянную [использовали]. Эту деревянную [подошву] сделают. [Для верха] у кого есть брезент, у кого какая [материя] есть. Потом это [верх] делают... Как [у тапок]. И прибивают гвоздиками [шкурки или брезент] к этому дереву. И вот мы ходили в этих кандалах, или как их... Деревянные подошвы делали. У меня сестра, которая в Покровском, она сама прямо... пойдет, чурочки такие найдет, обчешет их, сделает так подошву, и потом выкроит эту [заготовку для верха]. Особенно когда мы ловили кошечек [сусликов], так мы эти шкурочки собирали, потом сшивали и делали эту [верхнюю часть обуви] себе. К этой деревяшке прибивали... Мы ботинки из сусликов шили. Кто и сдавал [сусликов в заготконторы для получения денег], а мы не сдавали... Не в чем было ходить... Подошвы... надолго хватало, да, а это [верх из шкурок сусликов] отрывались... Она из этой же шкурки ремешок сделает, и... приделает, и прибивает. А прибивали опять же деревянными гвоздиками. Их [железных] же не было... С березки, вот где березка там. А откуда возьмешь [железные гвозди], магазинов не было. И вот деревянными Тамара пробьет – шило нашли. Маленько сделает, прокопает [дырку] этой шило, а потом деревянный этот гвоздик вобьет. Он намок – разбух, сохся – вылез» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г. р., с. Усть-Козлуха, Краснощековский район).

Обувь на деревянной подошве распространилась в годы войны⁵, как альтернатива традиционной крестьянской обуви с кожаной и городской с резиновой подошвой. Все кожи, производимые в колхозно-кооперативных и государственно-совхозных коллективах, шли на нужды воюющей армии, в т.ч. для изготовления армейских сапог. У сельского населения кожи крс и овчины, производимые на личных подворьях, изымались через денежные и натуральные налоги. Как известно, в годы Великой Отечественной войны ужесточилось натуральное обложение колхозов, колхозников и единоличников. В разные периоды принимались постановления, которые, с одной стороны, обременяли крестьянскую семью возрастающим объемом добровольно-принудительных поставок, с другой стороны, пытались совместить интересы государства с возможностями крестьян. В первом случае, происходило повышение объема обязательных поставок кожсырья и другой животноводческой продукции сверх установленных зональных норм (Попов, 1997: 97) и введение новых продуктов скотоводства, например, брынзы-сыра (Постановление...: 189–191) и др. Что подрывало развитие кожевенных, пимокатных, овчинных и др. обрабатывающих промыслов, дающих материал для изготовления одежды и обуви. По Алтайскому краю, каждый колхозный двор должен был сдавать за год: 600 гр. шерсти с 1 овцы и 200 гр. с 1 козы, 1,5 шкуры овец и коз и 1 шкуру свиньи, независимо от наличия в хозяйствах скота (по фактическому поголовью, имеющемуся в хозяйстве на начало каждого года) (Попов, 1997: 97). Кроме того, в обязательном порядке сдавались все

⁵ После войны также использовали деревянную подошву для изготовления повседневной обуви (сапог и ботинок) в т.ч. кирзовых сапог на деревянной подошве.

шкуры крупного рогатого скота, получаемые от убоя или падежа от незаразных заболеваний (Безнин, Димони, 2002: 99). В случае отсутствия поголовья искались альтернативы для колхозников, например, колхозные дворы, не имевшие в наличии овец и коз, имели право с 1943 г. сдавать кроличьи шкурки в счет обязательных поставок кожсырья государству «по эквиваленту... 4 кроличьи шкурки за одну овчину или за 1 свиную шкуру» (ГААК. Ф. Р-834, оп. 1, д. 3: 108). Все изымаемые с колхозного и семейного подворья кожи, шкуры, шерсть шли на потребности армии.

В таких условиях для тылового населения была предложена замена кожаной или резиновой подошвы – деревянной, или в целом замена кожаной обуви деревянной. Для этого государство предписывало развитие кооперативно-артельной кустарной промышленности по производству деревянной обуви или обуви на деревянной подошве. Она была нужна, прежде всего, для населения сети лагерей системы ГУЛАГ и созданных в годы войны из населения тыловых регионов (женщин и возрастных мужчин) трудармий. Но проблемы с обувью для репрессированных лагерей ГУЛАГ и трудармейцев сохранялись на протяжении всей войны. Попытки наращивать объемы производства обуви кооперативно-артельными предприятиями не могли удовлетворить все потребности. Об этом говорят материалы интервью. Дважды репрессированный кержак с. Усть-Калманки И. А. Медведев (в 1931 г. раскулачен, в 1937 г. репрессирован) рассказывал как для изготовления обуви заключенным использовали корт старых шин: «Я угадал на Ленинский распред [распределительная тюрьма] ... на станцию Тайгу [совр. Кемеровская область]. Там до войны я работал, на лесозаготовках... С лесозаготовок нас отправили в Новосибирск, военный завод делать... Мы три дня побыли там и война началась... Двенадцатичасовой рабочий день мы работали... Одежду... до войны давали хорошо. Зимнюю получишь, весной – летнюю получишь. А как вот война началась, у нас морозы до 45 были, до 50. Идем на работу – воробышко летит, на лету мерзнет. Вот так вот. А нам дали, вот эта «кирза», как она называлась: колесо машинное, дак вот эту резину сверху обдерут, а там с нитками эта остается [корд]... Вот из этого нам ботиночек понашили, и вот такие вот, из байки настезили, чулочки, нам дали. Вот это одевай и иди, в такой морозища...» (Алтайская деревня, 2012: 273–274).

В повседневной жизни тыловой деревни население самостоятельно пыталось найти замену традиционного кожевенного материала. В годы войны пригодился взаимообмен старожильческих и переселенческих традиций изготовления обуви. В одном из интервью респондент из старожилов рассказывал, как сибиряки перешли на «российские» лапти: «Были «обутки», были лапти. Обутки были сделанные из кожи под вид калоши, а подошвы всякие были, где, что, кто мог найти. Лапти... есть такие кусты, как же их называют, забыла. Драли их шкуру и плели лапти. В лаптях вот в этих ходили, и в заводе. Были праздничные [обутки], были рабочие [обутки]. А в заводе люди ходили в обутках на деревянной подошве, там цементный пол, маслозавод... Была чурочка, вырезанная подошва деревянная, и так приделан ремешок. И в этом ходили. А зимой кто в чем ходил. Лапти, обутки, потом уже валенки» (Алтайская деревня, 2012: 163).

Об использовании переселенческих традиций изготовления лаптей⁶ для повседневной носки говорили и другие респонденты. Это позволяет говорить, что система преодоления трудностей русского сельского населения базировалась на переплетении русской старожильческой и переселенческой культуры. В сибирской деревне ношение лаптей в Сибири относилось только к этнокультурным группам переселенцев – «рассейским» из южнорусской этнографической зоны; их часто называли в Сибири «лапотниками». В годы войны лапти стали использовать и старожилы, например, села Конево Панкрушихинского района: «Лапти плели

⁶ Сибиряки-старожилы носили кожаную обувь. Традицию лаптей в Сибирь привезли южнороссийские переселенцы, которые довольно быстро при благоприятных условиях переходили на кожаную обувь.

с лыка, вот наберут лыка с этого как его... Отец [дед] пойдеть коров пасти и нам лапти поплететь... сам, сплетет нам лапти всем. Мы все ходили в лаптях, они не ссыхаются ничё... лучше [чем кожаные «обутки» из невыделанных шкур]» (Алтайская деревня, 2012: 299).

Но наибольшее распространение получила обувь на деревянной подошве или полностью деревянная обувь. Появились директивы и методические рекомендации по ее изготовлению, в т.ч. для тылового населения. Она подразделялась на производственную и бытовую обувь. Изготовление первой, производственной обуви, было вызвано использованием принудительного труда многочисленных групп репрессированного населения. Созданная в 1930-е гг. сеть лагерей системы ГУЛАГ и создаваемые в годы войны из репрессированного, депортированного и сельского населения трудармии стояли на гособеспечении. Их труд использовался на самых сложных объемных и трудозатратных работах по строительству и лесозаготовкам. Но если воюющая армия обеспечивалась валенками (пимами) и кожаной обувью (кирзовые сапоги) из производимого в колхозно-совхозном секторе и личных подворьях кожевенного и шерстяного сырья, то для «трудовой армии» искали другие способы обувания, т.к. все сырье вычерпывалось для обеспечения фронта.

Государство видело в дереве альтернативу востребованного для фронта кожевенного сырья и попыталось с помощью директив, инструкций и постановлений «навязать» производство деревянной обуви тыловым территориям. Так, во «временных технических требованиях Наркомата торговли» по изготовлению деревянной подошвы для бытовой и производственной обуви от 17 сентября 1943 г. содержатся рекомендации к сырью, основным видам подошв, конструкции и отделке обуви (ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 3: 2–4). На основании подобных нормативных документах, например, Алтайский краевой совет депутатов трудящихся принял решение «О производстве обуви на деревянной подошве» (№ 630 от 24 августа 1942 г.) (ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 2: 33–33об.).

В течение всего военного времени для регионов устанавливались объемы изготовления обуви на деревянной подошве. В том же Алтайском крае контроль за производством обуви осуществляли краевые партийные и советские органы. Но на его территории в протяжении всего военного времени государственные задания по производству обуви, хронически не выполнялись. Так, в приказе НКТ РСФСР от 16 февраля 1943 г. № 416 «О плане производства обуви на деревянной подошве местными торговыми» НКТ РСФСР на 1944 г. говорилось о невыполнении плана производства деревянной обуви на территории РСФСР в целом, особенно выделялся Алтайский край как один из отстающих (ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 3: 10–11об.).

Объясняя регулярное нарушение объемов заготовки подобной обуви в Алтайском крае, в докладной записке секретарю крайкома ВКП(б) Лобкову и председателю исполкома АКСДТ Смердову, заместитель заведующего. Крайторготделом Паутов (не ранее 25.6.1942) пояснил причины невозможности выполнения плана по производству деревянной обуви тем, что местные предприятия не имеют оборудования, а кустари делают всего по 1–2 пары в день и предлагал передать изготовление обуви в промышленную кооперацию (ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 2: 70–70об.).

Как показывают полевые источники, изготовленная кустарями деревянная обувь и обувь на деревянной подошве в Сибири использовалась, прежде всего, массово для населения, мобилизованного на объемные принудительные работы в «исправительных» пунктах ГУЛАГа и в трудармиях на заготовках леса, строительства дорог, добычи соли, производстве соды. Многие респонденты вспоминали о своих родственниках, вернувшихся из трудармии в деревню: «В начале зимы маму и ее сестру забрали в трудармию... Было мне всего 6 лет... Через три года зимой моя мама вернулась, опухшая, в деревянных ботинках – но живая!» (Сборник воспоминаний... Ярошенко (Гринь) Наталья Ивановна, 1935 г. р. с. Дубровино. Романовский район).

В тыловой повседневности обувь на деревянной подошве кустарного производства не получила столь массового распространения. Но внесла коррективы в традиции изготовления обуви русским сельским населением Сибири. Так как подельные субпродукты скотоводства для обуви и верхней одежды сдавались государству в ход пошло все то, что раньше широко

не использовалось для изготовления крестьянского гардероба – дерево, мех, шкурки грызунов, кожи павших животных и т.д.

В годы войны в старожильской зоне также отмечается широкое использование шкурок сусликов, зайцев и других грызунов для изготовления верхней одежды, рукавиц и шапок. Этому способствовали и охотничьи традиции русских сибиряков-старожилов, которые в мирное время в таежной и горной местности занимались охотой на зайцев, соболей, волков и др. Субпродукты охоты широко использовались для изготовления меховых вещей и предметов верхнего гардероба сибирских крестьян. А вот использование шкурок сусликов фиксируется в основном в военное время и именно в регионах Алтая с преобладанием старожильского населения. Если в переселенческих степных районах Алтайского края развитие сусличьих промыслов респонденты связывают с использованием мяса в пищу (шкурки сдавались в заготсеть для получения денег), то в старожильских предгорных и горных районах с изготовлением зимнего гардероба от мягких детских «обуток», шапок, рукавиц и шубок до «взрослых» шуб. В целом это отвечало старожильской традиции ношения меховых вещей. Вот как об этом говорила жительница села Карпово: «Охотились на сусликов. Ценились шкурки сусликов... Шубы, шапки, воротники делали. Шкурка очень прочная была» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Марфенко (Измайлова) Валентина Ивановна, 1939 г. р., с. Карпово, Краснощековский район). Жительница села Новошипуново помнит, что в детстве в годы войны она носила шубу из сусликов. Это не мешало сибирякам-старожилам, также как и переселенцам потреблять их и в пищу, и менять на деньги в пунктах заготсети⁷: «Ловили сусликов – вкусные. Обдирали их. Выливали их. Шкурки сдавали, у меня шуба была из сусликов; кротов капканами ловили» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Рябова Анастасия Александровна, 1937 г. р. с. Новошипуново, Краснощековский район). Особенно широко мех и шкурки сусликов использовались для изготовления детских вещей: «Сусликов ловили... Шапки шили, детям шубки шили» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Юсова Мария Ивановна, 1927 г. р., с. Карпово Краснощековский район). З. Я. Коротких также помнит, что в ее семье «одежду шили из шкур» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Коротких Зинаида Яковлевна, 1933 г. р., с. Карпово, Краснощековский район).

Еще одной замещающей технологией в производстве зимней верхней одежды, головных уборов, рукавиц и обуви в системе жизнеобеспечения сельского русского населения тыловой деревне стала замена кож домашнего скота шкурами собак. Эта традиция сформировалась в ответ на ухудшение материального положения сельского населения в 1930–1940-е гг. и распространилась в Сибири повсеместно. По рассказам респондентов, собачину использовали уже перед войной, но в основном для головных уборов. Тогда как обувь традиционно шили из кож домашних животных. «В ту пору редко кто ходил в ботинках, в основном – в жирно смазанных дегтем сапогах, в разномастных, сшитых из собачьих, а то и из кошачьих шкур шапках» (Сборник воспоминаний... Заярный Илья Дмитриевич, 1929 г. р. с. Романово. Романовский район).

В войну стали массово использовать шкуры собак и для изготовления обуви. Так в Панкрушихинском районе делали обутки – «собачины»⁸. В описании М. Н. Бурматовой, «эти обутки сошьют, с этими вот шулками [чулки-голеньки] сделают, а туды шерсть натолкаешь... как делали шерстью сюды, а туды уже это [без жесткой подошвы], и ходили, всю зиму ходили... Это собачины, собачину все шили, они теплые» (Алтайская деревня, 2012: 299). Технология была примитивной: «выделывают каво-то опару, сделают, намажут, суток двоя

⁷ Закупочная кооперация состояла из сети заготпунктов и заготконтор, в которых принимали за деньги натуральные продукты с крестьянского подворья и промыслов.

⁸ Собачины – обутки с голенищами под колено из собачьей шкуры с мягкой подошвой.

простоить, а потом очухрают их литовками... Царапали их... они сделаются мякенькие, вот заместо чулков⁹ и шили...» (Алтайская деревня, 2012: 299).

Срок службы собачин был небольшим, особенно быстро протиралась мягкая подошва: «Кода хватало [на зиму], кода и нет. Собак держали, потешто собаку убьют и сошьют себе эти «лапти», сошьют рукавички-мохнашки¹⁰... Для этого держали. Собаки, большие, у каждого были» (Алтайская деревня, 2012: 299). Обутки из собачины, по оценке старожил, были теплыми. Мария Никифоровна Бурматова так рассказывала об их преимуществах в дальней дороге морозной сибирской зимой: «...мужики ездили по сено в степь... Одна соседка [богатая] жила, да они побогаче жили. А тут люди бедненькие жили. Она и говорить: «У меня седня муж ехал... [в шубе]» А наши-то [бедные] зипуны... Зипуны наткуть, пошьют. Длинные зипуны. А она говорить: «Мой, дак, седня и шубу надел. Такой мороз!» А эта [из бедноты] сидеть, говорить: «А мой седня застынет, у зипуне. Такой мороз». А он приехал – пот ручьем. Обутки теплые [собачины], у зипуне. А этот [из богатых] лежить на возу, застынет как коллик, у шубе-то! А эти [из бедных] чимжуют за возом. Пот ручьем льется с их. Во как жили!» (Алтайская деревня, 2012: 300).

Из шкур собак шили в войну не только обувь, но и шапки, и рукавички: «Вот рукавицы даже, мохнашки, шили с собачины. Мохнашки... шерсть у них внутри. Внутри теплые мохнашки. Поедут в степь, сено ж возили на коняжках, а то на быках – оденуть мохнашки и не замерзают» (Алтайская деревня, 2012: 299). По рассказам очевидцев, собачьи рукавицы распространились в Сибири повсеместно и потеснили традиционные вязанные из овечьей шерсти варежки: «Зимой с полей на фермы возил сено и солому. Холод, одежка худая, валенки почти без подошв. Натолкаешь в них соломы, а разве она греет голые ноги? Даже портянки были для меня недоступной роскошью. На руки, чтоб к вожжам не примерзали, надевал рукавицы из собачьей шкуры. Морозы были сильнейшие. Замерзай, а работу свою выполни. А лет-то всего работнику 8–9» (Сборник воспоминаний... Савченко Анатолий Фёдорович, 1936 г. р., с. Сидоровка, Романовский район).

Широкому распространению «собачьих мохнашек» способствовали не только военные налоги на шерсть домашних овец, но и более надежный способ борьбы с морозом – шитые меховые непродуваемые рукавицы. Вот как об этом говорится в отрывке интервью: «И рукавицы те же самые вязали из шерсти, и кто ездил на лошадях далеко в Камень, в Алейск, – те [шили] из собак. Из собаки – рука никогда не замерзнет» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2014. Изотов Николай Семенович, 1930 г. р., п. Майский, Романовский район).

Замещение «шубенок» из овчины или «варежек» из овечьей шерсти «собачинами» объяснялось сокращением поголовья овец и повышением объемов заготовки шерсти для нужд фронта. Поэтому на производство повседневного крестьянского гардероба шли, кроме собачьих шкур, овчины от павших ягнят и овец. Н. С. Изотов рассказывал, что он использовал: «овчины в основном с ягнят. Пацаны пойдут на ферму, там рождается двух [ягнят], например, значит, двух, и принесут одного, не приняли, то трех – всяко бывало, а потом их выбрасывают, ребятишки берут, быстренько шерсть снимают, а она получается, шкурочка, с такого, она кудрявая такая, шапку как сошьют!» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2014. Изотов Николай Семенович, 1930 г. р., п. Майский, Романовский район).

⁹ В традиции сибиряков в условиях холода было широкое использование чулок вязанных и меховых. Особенно это было актуально для женщин, у которых до 1940-х годов в крестьянском обществе отсутствовало нижнее белье. Поэтому чулки часто представляли собой мягкие «сапоги» с длинными голенищами. У такой обуви в Сибири встречалось много названий – кошомные чулки, вязанки, пупыри, лосинки и др. «Обутки» в традиции сибиряков-старожил представляли собой короткую обувь с мягкими, как чулки, голенищами под колено и, как правило, мягкой подошвой.

¹⁰ Мохнашки – так называли рукавицы, сшитые из шкур собак мехом во внутрь. Они заменили в годы войны известные шубенки – рукавицы овчинные, мехом внутрь и лохматки – рукавицы из шкур мехом наружу.

Таким образом, анализ изготовления предметов верхней одежды и обуви зимнего крестьянского гардероба из кож и шкур домашних животных и полевых грызунов в годы Великой Отечественной войны показал парадоксальную ситуацию. На новом этапе развития сибирского сельского общества, после проведения социалистической индустриализации и раскрестьянивания (коллективизации) произошел откат к крестьянскому традиционному опыту. Под влиянием войны русские сибиряки оказались в ситуации самообеспечения на основе использования субпродуктов скотоводства и ловчих промыслов по изготовлению вещей необходимых в борьбе с холодом на производстве и в быту. Этому способствовала и государственная политика обращения к традиционным технологиям замены кожевенного и шерстяного сырья, необходимого для обеспечения одеждой и обувью фронта альтернативным сырьем. Об этом говорит массовое насаждение производства обуви на деревянной подошве и деревянной обуви. Более того, подобными технологиями государство пыталось обеспечить население различных форм принудительного труда от точек лагерной системы ГУЛАГ до трудармий необходимой обувью, т.к. традиционное сырье для ее изготовления полностью изымалось для фронта.

Вместе с тем, война способствовала дальнейшей модернизации материальных и духовных компонентов традиционной культуры русского сельского общества. Если относительно модернизации мировоззрения и половозрастных стереотипов под влиянием войны достаточно написано в сибирской историографии, то в области научной реконструкции материальной культуры образовались лакуны. Предпринятая попытка исследования сезонного гардероба показала, что война вела к перемешиванию традиций культуры жизнеобеспечения разных этнотерриториальных культурных групп русских. В борьбе с холодом война закрепила ту унификацию, которой сопровождались преобразования единоличной деревни в 1930-е гг. Начатое в ходе коллективизации стирание культурных отличий старожилов, кержаков, казаков, воронежских, «чалдонов», «курян», «пензяков» и других культурноразличимых групп русского населения (так же, как и в среде этнических переселенцев – мордвы, украинцев, белорусов и др.) закрепились в годы войны адаптацией всего населения к ухудшению условий жизнедеятельности. В основе этого процесса лежал возврат всех групп сельского населения сибирской деревни к системе преодоления трудностей с ее заместительными технологиями. В частности, фиксируется возврат к использованию для пошива сезонного гардероба шкур домашнего скота, замене скотоводческого сырья собачьими шкурами, а также субпродуктами ловчих промыслов – шкурками сусликов, кротов, зайцев и др. грызунов, ставших в годы войны предметом ловли для изготовления зимнего гардероба. Процесс унификации сельского общества, независимо от прошлого этнокультурного опыта, в условиях ухудшения материально-экономического положения сопровождался архаизацией. В совокупности эта ситуация отражала своеобразие развития русского сельского общества в советское время под влиянием войны. С одной стороны, война привела к мобилизации трудовых и семейных традиций крестьянского общества. С другой стороны, адаптация к неблагоприятным условиям жизнедеятельности способствовало перемешиванию традиций, нивелировало историко-культурную мозаичность русского населения.

Список источников и литературы

- Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Щегловой Т. К., Дмитриевой Л. М. – Барнаул: Алт. дом печати, 2012. – 448 с.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. Залесовская экспедиция, август 2015. Коровина (Кадникова) Екатерина Крысановна, 1937 г. р., с. Залесово, Залесовский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2014. Изотов Николай Семенович, 1930 г. р., п. Майский, Романовский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Коротких Зинаида Яковлевна, 1933 г. р., с. Карпово, Краснощековский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2015. Марфенко (Измайлова) Валентина Ивановна, 1939 г. р., с. Карпово, Краснощековский район.

- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Рябова Анастасия Александровна, 1937 г. р. с. Новошипунovo, Краснощековский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г. р., с. Усть-Козлуха, Краснощековский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. ИЭЭ, 2015. Юсова Мария Ивановна, 1927 г. р., с. Карпово, Краснощековский район.
- Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
- Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-926, оп. 1, д. 2.
- ГААК. Ф. Р-926, оп. 1, д. 3.
- ГААК. Ф. Р-834, оп. 1, д. 3.
- История колхозного права: 1937–1958 гг. // Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. – Т. 2. – М., 1958. – 539 с.
- Попов В. П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. – 1997. – № 2. – С. 95–114.
- Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ч. 1: Женщина и война. – Ч. 2: Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67, оп. 1, д. 47.
- Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. – Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. – 132 с.

Щеглова Т. К., доктор исторических наук, профессор.

Алтайский государственный педагогический университет.

Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Алтайский край, Россия, 656031.

E-mail: tk_altai@mail.ru

Shcheglova T. K.

SUPPLYING RUSSIAN RURAL POPULATION WITH WINTER CLOTHES AND FOOTWEAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CONTEXT OF STATE POLICY OF DEFARMING

The article deals with the processes which took place in rural Siberian under the influence of the Great Patriotic war under the conditions of completed collectivization and defarming. It is demonstrated that the deterioration of life conditions of Russian Siberians contributed to the return to traditions of peasant culture of self-sustainability. This tendency is analyzed on the basis of new field research and materials of oral history. The article presents the characteristic of cultural groups of Russians in Siberia and the adaptation of their traditions of making leather, fur and woolen winter clothing and footwear under the conditions of the absence of stock-raising materials. The author introduces the notion of compensating technologies, describes replacement of hides, pelts and wool of live-stock by other materials. The use of by-products of gopher hunting, dog hides and hides of fallen animals for crafting winter peasant clothes and footwear is analyzed in detail. The author makes the conclusion about simplification of technology and manufacturing processes used in raw materials procession and crafting of clothing and footwear in the peasant family, that was an evidence of archaization of elements of self-sustainability culture. The article proves that it led to the disappearance of cultural differences between groups of Russian population of Siberian village, their unification. For example, Siberians replaced traditional leather footwear with bast shoes, which is characteristic of Russian population of central Russia. Attention is paid to innovations in the policies of the Soviet state which supported traditional crafts to ensure self-sustainability of civilians and the repressed population of Siberia with winter clothing essential for their life activities under hard conditions of war time. The turn in the policy of the Soviet state from elimination of peasant's traditions to their support is characterized by the example of regulation of handicraft and cooperative industry manufacturing footwear with wooden soles and wooden footwear for industrial and household purposes. During the war years, under the conditions of mobilization of all stock-raising materials of collective farms and farmsteads for the needs of the army at war, their manufacturing was recommended for providing people in the system of compulsory labor (GULAG labor camps, labor armies), and at enterprises of food industry (butter-making plants, flax-processing plants).

The paper reveals the replacement of traditional leather footwear with the soft sole by footwear with the wooden sole among Russian peasants of Siberia during the war time.

Key words: *war, rear, Siberia, Russian peasantry, winter clothes and footwear, raw materials, processing and manufacturing technologies, traditions and innovations, state policy.*

References

- Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley [Altai village in the stories of its inhabitants]. – Barnaul: Alt. dom pečati Publ., 2012. – 448 p. (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, Zalesovskaya ekspeditsiya, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Korovina (Kadnikova) Ekaterina Krysanovna, 1937 g. r., s. Zalesovo. Zalesovskiy rayon (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2014. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Izotov Nikolay Semenovich, 1930 g. r., p. Mayskiy, Romanovskiy rayon (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Korotkikh Zinaida Yakovlevna, 1933 g. r., s. Karpovo. Krasnoshchekovskiy rayon (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Marfenko (Izmaylova) Valentina Ivanovna, 1939 g. r., s. Karpovo. Krasnoshchekovskiy rayon (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Ryabova Anastasiya Aleksandrovna, 1937 g. r., s. Novoshipunovo. Krasnoshchekovskiy rayon (in Russian)
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Kharlova Mariya Evdokimovna, 1936 g. r., s. Ust'-Kozlukha. Krasnoshchekovskiy rayon (in Russian).
- Arkhiv TsUjE LIK AltGPU. F. IEE, 2015. [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Yusova Mariya Ivanovna, 1927 g. r., s. Karpovo. Krasnoshchekovskiy rayon (in Russian).
- Beznin M. A., Dimoni T. M. Povinnosti rossiyskikh kolkhoznikov v 1930–1960-e gody [Duties russian peasants in the 1930–1960-ies] – Otechestvennaya istoriya – National history. – № 2. – P. 96–111. (in Russian)
- Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [The State Archives of the Altai Region] (GAAK). F. R-926. List. 1. File. 2. GAAK F. R-926. List. 1. File. 3. GAAK. F. R-834. List. 1. File. 3.
- Istoriya kolkhoznogo prava: 1937–1958 gg. // Sbornik zakonodatel'nykh materialov SSSR i RSFSR, 1917–1958 gg. – History of the collective farm law: 1937–1958. Collection of legislative materials of the USSR and RSFSR, 1917–1958. – M., 1958. – Vol. 2. – 448 p. (in Russian)
- Popov V. P. Krest'yanskie nalogi v 40-e gody [Peasant taxes 40s] // Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological researches. – 1997. – № 2. – P. 95–114 (in Russian)
- Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobytiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov. Ch. 1: Zhenshchina i voyna. Ch. 2: Deti voyny: rukopis [The collection of memoirs of citizens of Romanovsky district, about the events of the great Patriotic war of 1941–1945. Part 1: Woman and war. Part 2: Children of war: manuscript]. Arkhivnyy otdel administratsii Romanovskogo rayona [Archival Department of Romanovsky district administration]. F. R-67. Op. 1. D. 47 (in Russian)
- Shcheglova T. K. Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoy Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Nauchnye i metodicheskie materialy. [Ethnography of the Russian peasantry of the south of Western Siberia in the XX century: the culture of life support during the Great Patriotic War. Scientific and methodical materials] – Barnaul: OOO «AZBUKA», 2015. – 132 p. (in Russian)

Shcheglova T. K.

Altai state pedagogical university.

Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Russia, 656031.

E-mail: tk_altai@mail.ru